

18+

ПОЛЬ МОНТЕР

МИЛАШКА

Поль Монтер

Милашка

«Издательские решения»

Монтер П.

Милашка / П. Монтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624916-5

У девочки из трущоб выбор не велик. Ей суждено влачить жалкое существование среди городского отребья. Без всякой надежды на перемены в унылой жизни. Но случайная встреча погружает юную Луизу в вихрь приключений, о которых дочь Парижских улиц и вообразить не могла. Взбалмошность и наглость помогают ей выпутаться из неприятностей, а подчас сохранить жизнь. И наконец стать счастливой.

ISBN 978-5-00-624916-5

© Монтер П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Милашка

Поль Монтер

Редактор Людмила Яхина

Дизайнер обложки Людмила Яхина

© Поль Монтер, 2024

© Людмила Яхина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-4916-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Спальня пансиона для девиц погрузилась в обманчивую тишину. Сестра Берта обвела взглядом уснувших и тихонько прикрыла за собой дверь. Девушки тотчас скинули одеяла и уставились на Огюстину, которая тоскливо вздохнула.

– Что случилось, ты весь день была сама не своя, дорогая? – участливо спросила Нанетта.

– Ничего... Просто сегодня уехала Сюзанна, и мне подумалось, что, пожалуй, она самая счастливая из нас. Ведь она выходит замуж. У неё наверняка будет прекрасный наряд, пышная свадьба, и всё оттого, что она богата. Она сможет путешествовать по разным странам, будет вращаться в светском обществе. А что ждет нас? Унылый брак с бедняком или должность гувернантки.

– И что? – спросила худенькая Иви. – Такова наша доля, и надо принять её со смирением. Раз уж нет внушительного приданого, то и не следует забивать себе голову мечтами о счастье.

– Ну вот ещё! – воскликнула рыжеволосая Лилиан. – Никто, кроме Господа, не знает, кому что уготовано! Почему бы не надеяться на лучшее?

– Всё это глупости, – пожалала острыми плечами Иви. – Раз родился в семье скромного достатка, то и говорить не о чем.

Девушки помолчали, обдумывая услышанное.

– А ведь Лилиан права! – внезапно произнесла пухленькая Лиза. – Судьба так переменчива. Бывает, что жизнь, на первый взгляд, не сулит ничего хорошего, а напротив, одни лишь страдания. Но всё может изменить простая случайность. Вот хотя бы история, которую поведала моя кормилица. Если угодно, я могу её рассказать.

– Да, сделай одолжение, Лизи, расскажи, – послышалось с соседней кровати.

– Действительно, расскажи, Лизи, уж лучше послушать про чужую жизнь, чем до рассвета сокрушаться над своей.

– Точно! Спать совсем не хочется. Погоди, дай переберусь поближе, – пробормотала Нанетта и, взяв одеяло, устроилась в ногах рассказчицы.

И вскоре все восемь воспитанниц пансиона сгрудились возле Лизы и, прижимаясь друг к другу, дабы не свалиться с узких кроватей, приготовились слушать.

Глава первая

Конец лета в предместье Руана выдался тёплым и солнечным. После полудня перелесок, где стояла покосившаяся старая хижина, окутала тень от густой листвы. Жилище было давно заброшено. Дырки окон с изведёнными жучком ставнями подслеповато тарасились на разросшиеся кусты дикого орешника. Полустгнившая крыша завалилась на бок и того гляди готова была рухнуть, подняв столб пыли. Внутри сохранился лишь колченогий стол, упирившийся в стену, и брошенный прямо на пол тощий тюфяк из соломы. Однако сия убогая обстановка ничуть не мешала молодой паре страстно предаваться любви. Они не ощущали запаха сырого дерева, что насквозь пропитал хижину, и вовсе не заботились о том, что дверь висит на единственной уцелевшей петле. Юная маркиза дю Джонкуа умиротворённо вздохнула, разомкнув объятия, и прикрыла глаза, словно кошка, что полакомилась мышью. Мужчина приподнялся на локте и, поцеловав её в подбородок, произнёс:

– Пожалуй, хватит нам медлить, Бланш. Сегодня же официально попрошу вашей руки.

Симпатичная блондинка с узким кокетливым личиком фыркнула:

– Боже, Октав! Отчего вы так торопитесь?

– Оттого, что люблю вас, Бланш. Люблю больше жизни и не желаю встречаться тайком.

В конце концов, мы и так позволили себе лишнее. Если об этом узнают, ваша репутация погибнет!

– Ай, – пожалала обнажёнными плечами девушка. – Уж, наверное, потеря репутации должна заботить скорее меня, а не вас, дорогой. Будем вести себя разумно, и никто ничего не узнает.

Меж тем Октав Лантье вскочил с убогого ложа и начал одеваться. Маркиза исподтишка разглядывала его стройный торс, мускулы, что обозначались резче, когда мужчина наклонялся, натягивая сапоги. Да молодой офицер был чудо как хорош! Узкобедный и широкоплечий, с густыми светло-русыми волосами и приподнятыми к вискам зеленовато-бирюзовыми глазами. У него была тяжеловатая нижняя челюсть, но она лишь подчёркивала его мужественность. А ямочка на подбородке выдавала в нём человека решительного и упрямого. Бланш села и лениво поправила лиф муслинового платья. Она не снимала корсет, и теперь ей осталось только оправить пышные юбки и подтянуть чулки.

Расставшись у маленькой калитки, ведущей в сад особняка маркизы, молодые люди поцеловались, и девушка скрылась за деревьями. Она быстро прошла к чулану, где её поджидала служанка. Высокая и тощая, словно жердь, с продолговатым лицом и бледными губами, Клодин едва заметно усмехнулась. Ну и вид у сеньоры! Засохшие травинки облепили юбку, кружева повисли. Бог мой, она похожа на уличную девку. В тёмном чулане среди сломанной утвари и паутины, что висела по углам, Клодин помогала хозяйке сменить платье и бесстрастно выслушивала её излияния:

– Ах, Кло, Октав совершенно сошёл с ума! Вообрази, он собрался просить моей руки. Я еле-еле отговорила его, сказав, что следует подождать его возвращения.

– А что, господин Лантье уезжает? – разглаживая складки на юбке, поинтересовалась служанка.

– Да, помчался на верфи в Ла-Рошель, – скривилась Бланш. – Ему приказано проверить, как идёт починка корвета. Представь, какой бы я была дурой, если бы согласилась стать его женой. Он всего лишь помощник капитана с паршивым жалованием. Пока дослужится до следующего чина, я успею состариться.

– Зачем мадемуазель таскается с голодранцем по лесу? – покачала головой Клодин.

– Нет, ты точно дурочка! – рассмеялась маркиза. – Да затем, что он красив и молод. Ему всего девятнадцать. Ты же знаешь, мой брак с герцогом Ла Фалуазом – дело решённое, но он же мне в отцы годится. Отчего бы не насладиться объятиями пылкого красавчика?

– Многие дамы, выйдя за стариков, попросту находят молодых любовников. Это куда спокойней, нежели отдаваться мужчине перед свадьбой, – поджала бледный рот служанка. – Эдак и риска никакого, и вполне обыденно.

– Вот ещё! Стану я отказывать себе в удовольствии и ждать, если я могу заполучить Октава прямо сейчас.

– Дело ваше, сеньора. Но стоит ли мимолётное удовольствие неприятностей? Вы же знаете, что месье Лантье горяч и упрям, словно мул. Такому нипочём устроить скандал, и тогда хлопот не оберёшься.

– Глупости, – беззаботно усмехнулась Бланш. – Уж я живо найду способ, как избавиться от надоевшего поклонника. Герцог получил назначение при дворе монсеньора. Я не желаю прозябать в глуши. Блистать в Лувре – моя мечта, и никакой мужчина, даже самый прекрасный, не помешает мне осуществить её.

Служанка опустила голову, пряча усмешку. Пройдоха при любом раскладе оставалась в выигрыше. За помощь в сокрытии амурных приключений она получала щедрую плату. И была уверена, что не слишком умная девица ещё не раз будет нуждаться в ней.

Так оно и произошло. Буквально спустя пару дней, когда особняк дю Джонкуа наполнился гостями по случаю помолвки юной маркизы и герцога, будущая невеста почувствовала себя дурно. Она едва успела покинуть зал и, выскочив через чёрный ход, склонилась над травой в приступе рвоты. На лбу её выступил пот, тело тряслось в ознобе. Служанка протянула ей платок и, сложив руки на тощем животе, протянула:

– Вот вам и причина, по которой не следовало бегать на свидания с мужчиной.

– Замолчи! – выдавила Бланш, пытаясь выпрямиться. – Забыла своё место?

– Я своё место знаю, – ухмыльнулась Клодин. – А вы угодили в крупные неприятности.

– Помоги мне привести себя в порядок, потом поговорим, – вяло произнесла маркиза.

Пошатываясь, она поднялась в спальню. Глаза у служанки блеснули от жадности. Вот и славно. Экая дура мадемуазель Бланш. Ну это к лучшему. Теперь ей нипочём не выпутаться без надёжного человека. Стало быть, денежки потекут в карман пройдохи Клодин рекой. Но она вела себя как обычно, почтительно помогая хозяйке переменить платье, поправить причёску Единственное, что она сказала за всё время, что неплохо бы нанести румяна, ибо мадемуазель слишком бледна. И еле сдержалась, чтобы не добавить, что лицо госпожи зелёное, как вода из болота.

Приступ прошёл, и вскоре Бланш вновь строила из себя благовоспитанную девицу, сидя на козетке и обмахиваясь веером. Герцог Ла Фалуаз, коренастый мужчина с приплюснутым носом и глазами навывкате, что делало его похожим на вола, маслено поглядывал на будущую невесту. Недурно, чёрт возьми, что, овдовев, он может заполучить в жёны хорошенькую особу, которой недавно минуло восемнадцать. Он снисходительно воспринимал льстивое обращение родителей Бланш. Ещё бы, их положение куда ниже, чем его, да и приданое, по меркам Эжена Ла Фалуаза, просто смехотворное. Оно годится лишь на шляпки и булавки юной невесте. А вот участок леса в десять акров можно будет выгодно продать ближайшим соседям. Он буквально на днях получил должность помощника министра Кольбера и после свадьбы сразу уедет с женой в Лувр. И пусть он старше маркизы лет на двадцать пять, но за возможность жить в Париже и видеть монсеньора провинциальная девица будет держаться за брак зубами.

Правда, свадьбу пришлось назначить через четыре месяца. Как раз закончится траур по первой жене герцога. Довольный устройством своих дел, Ла Фалуаз отправился в своё поместье, а Бланш погрузилась в мрачную тоску.

Она не отпускала служанку ни на минуту. Маркиза металась по спальне, сняв башмаки, чтобы не услышала прислуга или родители, и покусывала платочек.

– Неужели ничего нельзя сделать? Ну есть же какие-нибудь способы! – громким шёпотом попытывалась она. – Наверняка же простолюдинки выпутываются из подобных затруднений!

– Так-то оно так, госпожа, – спокойно заявила Клодин. – Но вам не подойдёт. Не станете же вы прыгать с высоты, чтобы скинуть плод. И вряд ли свяжетесь с повитухой. Языки у них длинные, да и потом какая женщина согласится, чтобы её искалечили? Знала я несчастных, что доверились повитухам. Все как одна померли в муках, истекая кровью.

– Ну что же делать?! – плаксиво воскликнула маркиза.

– Да ничего, – пожалала костлявыми плечами Клодин. – Выйдете замуж за герцога и скажете, что младенец его.

– Вот дура! – Бланш швырнула платок. – Не могу же я родить через пару месяцев после свадьбы!

Служанка нахмурилась. Да, пожалуй, это и впрямь вызовет подозрение.

– А может, есть какое-нибудь снадобье? – с надеждой глядя ей в глаза, спросила Бланш.

– Откуда? Вы же знаете, что всех, кто варит зелья, ждёт костёр. Нет, нет. Надо придумать что-то другое.

И служанка с госпожой провели в спорах ещё неделю, так ничего и не решив. Злоба и отчаяние настолько овладели маркизой, что она, не помня себя, обрушилась с упрёками на вернувшегося из Ла-Рошели Октава. В заброшенной хижине Бланш оттолкнула пытавшегося обнять её мужчину и разрыдалась.

– Вы погубили меня! Погубили моё счастье! – твердила она. – Что я теперь буду делать?

– Боже мой, дорогая! Так я готов хоть сейчас отправиться к вашим родителям! Мы поженимся, и никто ничего не заподозрит. Я буду счастлив стать отцом.

– Вы ума лишились? – взвизгнула Бланш. – На кой чёрт мне этот младенец?

Октав опешил и с минуту недоумённо смотрел на возлюбленную.

Глядя на него, маркиза пришла в ярость и, начисто позабыв приличия, выпалила, что никогда не собиралась становиться его женой. Октав оторопел от столь откровенного пренебрежения и молча стоял перед маркизой, отказываясь поверить в услышанное.

– Так вы не любите меня? – тихо спросил он.

Бланш густо покраснела, злясь, что никак не придумает достойного ответа. Ей ужасно хотелось в открытую сказать, что Лантье недоумок, если простое желание облакает во флёр романтики, но у него был такой взгляд, что она не решилась. Ну его к чёрту! Такой вспльщивый дурак может ударить или вовсе пристукнуть. И девушка вновь зашмыгала носом, бормоча, что, возможно, ей показалось и никакого ребёнка не будет. И вообще родители хотят выдать её за другого. Отец всегда не слишком лестно отзывался о людях ниже себя. Октав сжал губы и прищурил глаза:

– Если вы любите меня, то давайте сбежим, прямо сейчас. Мы уедем в Ла-Рошель. Поверьте, дорогая, я смогу позаботиться о вас. Ведь главное быть вместе.

Маркиза продолжала юлить. После свадьбы она уедет в Париж, и Лантье ничего не сможет сделать. Она приближалась к мужчине и наконец приникла к его груди. Октав страстно прижал её к себе. Бланш пронзило острейшее желание, и, изнывая от страсти, она отдалась любовнику на убогом ложе в грязной комнатёнке лесной хижины. Возвращаясь домой, маркиза повеселела. А что, если любовная встреча, от которой так сладко сжимается и трепещет её лоно, изгонит зародившуюся жизнь, и проблема решится сама собой? Ну да, она сама слышала о таких случаях. В гостинных шептались, что баронесса Сен-Мишель так хрупка, и пока она носила дитя, лекарь строго-настрого запретил сеньору барону навещать спальню жены, дабы она не потеряла ребёнка.

Но, видно, сама Бланш была отнюдь не хрупкого здоровья, и свидание с Октавом не избавило её от неприятности. Раздражённая, что так и не находит выхода, она еле сдерживалась, чтобы не надавать любовнику пощёчин. Ей стоило невероятного труда постоянно отговаривать его от желания немедля вступить в брак. И когда выяснилось, что молодой офицер должен отбыть в долгий поход, она чуть не запрыгала от радости.

Клодин была посвящена во все перипетии истории и тайком потешалась, словно на ярмарочном представлении. Вот умора! Пожалуй, если судно с любовником налетит на рифы и пойдёт ко дну, хозяйка на радостях спляшет бурре. Да уж, повезло господину Октаву связаться с такой тварью, как мадемуазель. Впрочем, так ему и надо. Мужчины вечно кидаются на смазливых девиц, так поделом им. Главное, что Бланш выйдет замуж за герцога. Клодин рассуждала, что можно нажать недурные деньги на её глупости. А с хорошим приданым и сама служанка сможет найти себе жениха и послать надоевшую вздорную девицу к чёрту. Клодин продолжала исправно прислуживать и ждать своего часа. Глупец Лантье взял с мадемуазель клятву, что за время его отсутствия она поговорит с родителями и, вернувшись из плавания, он поведёт возлюбленную к алтарю.

К счастью для маркизы, морской поход и впрямь оказался долгим, и, по подсчётам вышло, что она успеет выскочить замуж без проблем. И действительно, загнавший трёх лошадей Октав опоздал. Известие, что Бланш сочеталась браком и покинула провинцию, едва не лишило его рассудка. В отчаянии он ринулся в Париж.

***

Бланш продолжала немилосердно затягиваться в корсет, молясь, чтобы муж не догадался о её состоянии. Хватит того, что первая ночь далась ей с огромным трудом. Она до обморока боялась выдать себя и припрятала возле кровати скляночку с куриной кровью. Тайком капнула её на простыни, дождавшись, когда супруг, натянув одеяло до самого носа, захрапит. Ей повезло, в свои годы герцог уже не обладал достаточной чувствительностью, чтобы разобраться в тонкостях первой ночи. А спустя пару недель Бланш сообщила, что понесла дитя, и теперь постоянно отказывала мужу в любви, ссылаясь на недомогание. А что прикажете делать, если паршивый младенец слишком явно шевелился в её чреве и скрывать сие было невозможно? Клодин заявила, что теперь-то уж точно следует дождаться родов, но надо проделать всё тайно. А сеньору герцогу просто сказать, что случился выкидыш.

– А что делать с ребёнком? – озадаченно спросила новоиспечённая герцогиня.

– Стоит ли думать заранее? – поджала губы служанка. – Может, Господь приберёт младенчика во время родов. Такое часто случается. А если нет, то я избавлю вас от всех хлопот. Не сомневайтесь.

Когда Бланш ощутила тупую тяжесть и боль в пояснице, чуть не сошла с ума от страха. По совету служанки герцогиня заявила, что хочет навестить подругу, графиню де Конталь. Право же, она нуждается в её обществе. И раз уж не может посещать балы, то по крайности проведёт время в приятной беседе, сидя у камина. Озадаченный своими делами, супруг с лёгкостью согласился. Жена успела ему надоесть вечными жалобами на здоровье. И Бланш со служанкой умчались в предместье, где пройдоха Клодин загодя сняла скромный дом на окраине. И там ещё до полуночи, подгоняемая страхом герцогиня, сдерживая стоны и вскрики, разрешилась младенцем, который вовсе не собирался помирать.

– Девочка! Да какая прелестная! – вырвалось у служанки.

– Вот чёрт! Накрой её быстрее, она же вопит на весь дом! – прошипела бледная Бланш.

– Бедняжка задохнётся, – буркнула Клодин.

– Ну и хорошо, мне она не нужна.

– Вам лучше вздремнуть, – заявила служанка. – А пристроить младенчика – моя забота. Я могу отдать девочку кормилице. Она берет пятнадцать... нет, двадцать экю в месяц.

– Ну нет, кто помешает ей постоянно повышать цену? Просто унеси её подальше отсюда. Да хоть выброси в сточную канаву или оставь под деревом. Лишь бы поскорее забыть о произошедшем.

Укутав малышку, служанка забралась в скромную повозку и вернулась в город. Клодин направила лошадь в мрачный квартал бедноты. Озираясь вокруг и морщась от царившей вокруг вони, она шмыгнула в один из жалких грязных домов.

– Вот, мамаша Фуан. Девчонка отличная. С пылу с жару, как свежий хлебец из печи.

Неряшливая старуха с крючковатым носом и седыми лохмами, что выбивались из-под рваного чепца, с любопытством взглянула на ребёнка:

– Ну, не так уж и хороша. Пятнадцать эю, не больше.

– Как же! Да за такие деньги породистого щенка не отдадут! А тут дитя сеньоры!

– И что такого? – хлопнув себя по ляжкам, крикнула старуха. – Такого добра в каждом доме с лихвой.

– Пятьдесят, и ни монетой меньше, – поджала губы Клодин.

– Что?! Целое состояние за младенца, который может помереть ещё до рассвета? Не жирно ли будет?

И женщины вступили в ожесточённый спор, позабыв о малышке, которая счастливо заснула, не ведая о том, что решается её судьба.

Наконец обе спорщицы сообразили, что время идёт и надо бы уладить дело. Сошлись на тридцати пяти эю серебром, и служанка поспешила обратно.

Меж тем несчастный влюблённый метался по Парижу в поисках особняка герцога. И когда отыскал его, заспанный лакей сообщил, что хозяин давно спит, а мадам уехала в гости и вернётся после полуночи.

В отчаянии Октав остался на улице дожидаться Бланш. Он должен немедленно поговорить с ней, а до утра ждать слишком долго. Сердце его ныло от боли, глаза лихорадочно блестели. Он считал, что возлюбленную силой заставили выйти замуж. И когда в конце улицы показался экипаж, Октав вздрогнул и едва не задохнулся от переполнявших его чувств. Увидев Бланш, которая тяжело опиралась на служанку, выходя из экипажа, он рванулся к ней.

– Бланш! Ради всего святого!

Герцогиня Ла Фалуаз охнула и побелела. Она не ожидала увидеть брошенного любовника, вообразив, что с замужеством связь с ним прервалась навсегда. Её голова была занята единственной мыслью: скрыть своё состояние от мужа. Появление Октава выбило её из колеи, герцогиня тупо смотрела на любовника и молчала.

– Как же так, Бланш? Боже мой, как же так? Ведь ты поклялась мне!

И тут герцогиня, найдя выход страху разоблачения, родовым мукам и злости на собственную глупость, завопила точно уличная торговка:

– Да идите вы к дьяволу, голодранец! Неужели поверили, что я соглашусь стать вашей женой?!

Она метнулась к Октаву и бросила ему в лицо:

– Голодранец! Жалкий ничтожный голодранец!

Мужчина схватил её за плечи:

– Вы сошли с ума, Бланш! – крикнул он.

Покачнувшись, герцогиня лишилась чувств и повисла у него на руках.

Клодин, оглянувшись по сторонам, завизжала:

– Спасите! Убивают!

Кучер и лакей, словно очнувшись, бросились на Лантье. К ним на помощь уже бежали лакеи из особняка, и Октаву пришлось отбиваться от шестерых вооружённых соперников. Как бы ловко ни орудовал морской офицер шпагой, но противников было слишком много. Ругань, вскрики и звон клинков заполнили тихую улицу. Разбуженный герцог, опасливо

выглядывая в окно, тотчас отправил конюха за гвардейцами. Нет уж, увольте, он слишком важная персона, чтобы рисковать жизнью, ввязываясь в драку. Меж тем охая и повизгивая от страха, горничные под предводительством Клодин пытались привести в чувство свою хозяйку. Спустя минут десять показался отряд гвардейцев.

Октав ничего не видел и продолжал яростно отбиваться от нападавших. Чья-то шпага рассекла ему скулу до самого рта. Кровь залила ворот камзола. И лишь когда гвардейцы скрутили его, герцог показался в дверях и заявил, что этот человек напал на его супругу. Наверняка проклятый грабитель польстился на украшения мадам. Октав не проронил ни слова. Он едва держался на ногах. Избитый и униженный, он чувствовал только сердечную боль, и после слов Бланш ему стало абсолютно всё равно, что его ждёт. Любовь его умерла, и он словно умер вместе с ней.

– Немедля пошлите за доктором, – приказал герцог, провожая взглядом лакеев, что понесли мадам в дом на руках.

Октава бросили в промозглую камеру прямо на старые растрескавшиеся плиты. А в особняке Ла Фалуаза проныра Клодин, шмыгая носом и вытирая сухие глаза, сообщила, что бедняжка Бланш потеряла дитя.

Оставшись одни в спальне, хозяйка и служанка пришли к выводу, что дурака Лантье Бог послал. Теперь и выдумывать ничего не нужно. Славно всё вышло! Одним махом герцогиня избавилась и от любовника, и от ребёнка. Но конечно, если бы не Клодин... словом, она вполне заслужила сто экю.

С утра разъярённый Ла Фалуаз явился к начальнику тюрьмы, и после его ухода приговор для офицера был вынесен быстрее, чем в котелке закипает вода. И уже в полдень Октав, закованный в кандалы, отправился на каторгу вместе с десятью бедолагами, ожидавшими своей участи в Шатле. За всю дорогу лишь один из приговорённых, тощий и вертлявый бродяга, заметил, что им ещё повезло. Ведь их могли вздёрнуть на Гревской площади нынче утром.

Глава вторая

Мамаша Фуан обернула младенца старой шалью и, словно крыса, зашмыгала по ночной грязной улочке. Трактир Дублона расположился в трущобах неподалёку от рыночной площади. В темноте только узкая полоса света из приоткрытой двери кабака освещала грязную узкую улочку. Вонь от сточных канав смешивалась с густым запахом кислого вина, заношенного тряпья, прогорклой пищи. Из трактира то и дело слышался грубый хохот пьянчуг, визг уличных девиц, брань и стук кружек по замусоленной столешнице. Иногда дверь распахивалась настежь, очередная потаскушка выскакивала на улицу и приседала возле канавы, задрав линиялые грязные юбки. Мужланы и вовсе мочились, даже не сойдя с крыльца. Держась за стену, блевал какой-то шуплый парнишка, и приятели потешались над его страдальческим видом. Но старуху не трогало происходящее, она не ощущала вони и даже не повернула головы, когда за её спиной затеяли драку нескольких перепивших бродяг. Войдя в душный зал с дочерна закопчёнными потолком и стенами, она кивнула трактирщику, обрюзгшему рыхлому громиле с пустым взглядом водянистых глаз, и поднялась по скрипучей лестнице.

В комнате под покатым потолком сидели трое мужланов и тощий человек с голым черепом, обтянутым жёлтой кожей. Шляпа с обвисшими полями лежала на столе, среди оловянных блюд, полных объедков. Он курил трубку, следя за громилей с растрёпанной рыжей бородой, что считал монеты, складывая их в аккуратные столбики прямо на столе, залитым вином и покрытым жирными пятнами.

– Вот, хозяин, – заискивающе пробормотала мамаша Фуан, утирая вспотевшее лицо углом шали. – Девчонка. Крепенькая, словно яблочко, и похожая на ангелочка.

– Покажи, – равнодушно произнёс желтолицый.

Старуха угодливо распеленала младенца, который завопил от холода.

– М-да... недурна. Двадцать эю.

– Помилуйте, хозяин! Я отдала за неё пятьдесят! Это же не заморыш какой-то шлюхи, а господское дитя.

– Ха, а что, госпожа не может быть шлюхой? – приподнял бровь Гранжан.

Мужланы захохотали, хлопая себя по коленям. Ловко подмечено. Конечно, сеньора шлюха, раз решила избавиться от дитяти, порядочная женщина так не поступает. Стало быть, хозяин совершенно прав. Торг за малышку был недолгим. Мамаша Фуан не желала портить отношения с всесильным Гранжаном, что владел городским отребьем и, опустив в бездонный карман сорок эю, поспешила убраться восвояси. В конце концов, чёрт с ней, с маленькой паршивкой, жизнь дороже. Тем более новорождённое дитя – это кот в мешке, она вполне может помереть через пару дней.

В комнате наверху рыжебородый вновь принялся считать монеты, хозяин – потягивать трубку, а вопящего младенца унесла молодая горбунья, что явилась спустя четверть часа. Дочь маркизы очутилась в вонючей грязной лачуге на окраине, среди десятка таких же несчастных ребятишек, старшему из которых едва минуло три года.

И вот для малютки началась ежедневная борьба за жизнь среди вони, грязи, холода, болезней и нищеты тёмных кварталов городского отребья. Конечно, в такой клоаке дети умирали ежедневно, ибо ухода за ними практически не было. Однако дочь Бланш была куда крепче худосочных младенцев, которых родили обитатели парижского дна. Её мать не дрожала от холода и не голодала, как другие. Появившись на свет, несчастные дети отправлялись на небо, не дожив и до года. Горбунья Иви, по кличке Крысиный Хвост, на чьи плечи была возложена обязанность надзирать за выводком малышей, не отличалась состраданием, впрочем, как и остальные подданные Ганжана. Посему даже когда кто-то из её подопечных заболел, его продолжала таскать по улицам очередная попрошайка и порой умудрялась просить

милостыню, держа на руках уже окоченевший трупик. А после несчастного наспех закапывали возле ограды кладбища Пер-Лашез и тотчас забывали о нём. Крысиный Хвост не собиралась тратить деньги на крещение и нарекла дочку сеньоры Луизой – первым пришедшем в голову именем. Просить подавание на руках с Лулу выпало нищенке Фионе, по прозвищу Метла. Она быстро смекнула, что хорошенький белолицый младенец приносит куда больше денег, нежели грязный заморыш, и Лулу доставалось чуть больше молока, чем остальным. Кормилица, толстая неряшливая и глупая Нинон, получала по два экю ежедневно за то, чтобы приложить малютку к груди утром и вечером. Другим приходилось пить воду, забелённую молоком. Метла старательно латала свои обноски и, умыв лицо, тщательно прятала волосы под застиранный чепец. Она устраивалась возле собора и, хлюпая носом, слезливо просила у прихожан монетку, дабы собрать на обряд крещения несчастного дитяти. Просидев несколько дней возле одной церкви, она переходила к другой. Но когда Лулу научилась ходить, её всучили старухе Маниголь. Девочка семенила за своей надзирательницей и тонким голоском заунывно просила деньги для своей «слепой» бабушки. Просто удивительно, как быстро Лулу выучилась разговаривать, хотя речь её была крайне скудна и состояла в основном из заученных фраз попрошайки и отборной брани. Грязь и постоянные хвори, что косили бедняков, обходили малышку стороной. А вспыльчивый нрав, что передался ей от отца, помогал выжить. Милашка, как прозвали девочку за прелестное личико, научилась здорово огрызаться и частенько, получив от старухи затрещину, тайком плевала ей на юбку или отпихивала клюку, на которую та опиралась, в сточную канаву, и хихикала, когда старуха, чертыхаясь, погружала руки в нечистоты, выуживая палку. Когда в одну из зим Маниголь насмерть замёрзла, возвращаясь из трактира, девочка только хмыкнула. Ну и поделом старой пьянчужке. Вот уж ни капельки не жаль. С семи лет Лулу с грязной задорной мордашкой и ровными белыми зубками угодила к папаше Бодю. Он держал пятерых ребятишек, которых обучал воровству. С утра и до полудня старик втолковывал своим подопечным уловки воришек. А после до самого вечера они шмыгали по улицам и тянули всё, что плохо лежит. Вернувшись в насквозь продуваемую всеми ветрами лачугу, дети получали паршивую похлёбку без сала, где уныло плавали два-три капустных листа, и оплеухи, если те приносили слишком мало. Раз в месяц подданные короля отбросов собирались на кладбище Пер-Лашез и вручали дань своему хозяину. Приличные люди, пожалуй, упали бы в обморок, глядя, как в полночь потоки голодранцев и потаскушек, бандитов, грабителей и убийц, словно крысы, бредут к месту сбора дани. Там же чинилась расправа над теми, чью плату король посчитал слишком мизерной, или тех, кто подозревался в утаивании нечестивого заработка. И отвратительные лица, покрытые шрамами или изъеденные оспой, жадно тарасились на казнь, в точности как простые горожане, что с любопытством сбегаются к Гревской площади, когда колесуют или вешают какого-нибудь бедолагу по приговору суда.

Власть короля городского дна казалась незыблемой. Однако когда Луизе минуло двенадцать, Ганжана пристукнул один из его телохранителей, и на три года в королевстве отбросов воцарился хаос. Ежедневно банды из разных концов города устраивали побоища между собой, деля кусок жирного пирога в виде сбора дани. Бродяги, мелкие воришки, жулики, потаскухи и сводни, торговцы детьми и попрошайки метались, словно муравьи из разворошённого муравейника. Они не знали, чью сторону выбрать. И стоило кому-то из них примкнуть к очередной банде, как её начисто разбивала другая. Ошарашенные голодранцы, попав под раздачу, получали увечья, или расставались с жизнью. А интендант вместе с ближайшими помощниками лишь жирел на этой бойне. Он потирал пухлые руки и говорил, что чем больше отребья перебьёт друг друга, тем лучше. Ему и делать ничего не надо. Эдак скоро в Париже вовсе не останется воря и грабителей. А что до шлюх, так эти девки никому не мешают. Солидные господа и сами не прочь воспользоваться их услугами. Впрочем, наёмные убийцы тоже в цене. И на место одного подошедшего громилы являются трое новых. Разорившиеся беглые крестьяне не видят иного выхода, как отправиться в крупный город и примкнуть к очередной шайке.

Луизе, как любому подростку, было плевать на подоплёку событий. С горящими от любопытства глазами она со всех ног кидалась к месту очередного побоища и, предусмотрительно встав на безопасном расстоянии, подбадривала дерущихся криком и кидала в свалку из тел всем, что попадёт под руку. Рядом с ней крутились мальчишки и девчонки из подозрительных переулков кварталов отверженных.

– Аха-ха! Со смеху помрёшь! Глядите, боров Кеньо завалился вверх тормашками! – вскрикивала Луиза, приседая от хохота.

– Точно! – подхватывала косоглазая Амели. – Славно получил по морде!

– Смотри-ка, высокий парень плюхнулся прямиком в канаву, – пропищал девятилетний Арно, подтягивая огромные штаны, доходящие ему до подмышек.

– Так его, так! Пусть поплавает в дерьме, – подпрыгивая на месте, бормотала Николь.

– Вот дура! – нахмурилась Лулу. – Это же красавчик Кассель из банды Флико. Погоди, сейчас надаёт тумачков всем подряд и тебе заодно!

– Чего это ты вступаешься за него, обезьяна?! – взвизгнула Николь. – Тоже ещё, нашлась заступница!

– Она, наверное, с ним спит, – глубокомысленно изрёк Арно.

– А ты захлопни пасть, сопляк, не то штаны потеряешь, – огрызнулась Луиза. И, повернувшись к Николь, упёрла руки в бока: – И ты захлопни пасть, облезлая гусыня. И не смей назвать меня обезьяной! А то живо получишь по морде.

– Глядите на неё, может, тебя назвать сеньорой, грязнуха паршивая?

Лулу, недолго думая, вцепилась сопернице в волосы, и теперь уже ребягня устроила потасовку, начисто позабыв, зачем явились. Николь извернулась и ударила Луизу в лицо.

– Получай, потаскуха!

– На тебе, побирушка, выдеру твои грязные лохмы до последней волосинки!

– А я разукрашу твою мерзкую рожу!

Арно бегал вокруг сцепившихся девочек вместе с Амели, словно боясь упустить подробности сражения. Драчуны раскраснелись, они ничего не замечали, и глаза их пылали одним желанием: нанести друг другу побольше увечий. Вскоре жалкие грязные блузы превратились в лохмотья. Чепчики валялись на земле – их давно втоптали в грязь. У Лулу заплывал глаз, у Николь кровоточила расцарапанная щека. И тут послышался конский топот.

– Гвардейцы! – пискнул Арно и, подхватив штаны, бросился наутёк. Противницы замерли на месте и, не стовариваясь, бросились прочь. Тесёмка на юбке Николь порвалась, и, запутавшись, девочка упала на четвереньки. Луиза обернулась и мигом подлетела к ней.

– Вставай, вставай же скорей. Давай руку. Не хватало ещё угодить в Шатле, – пробормотала она. Николь вцепилась в её ладонь и, придерживая сползающую юбочку, спотыкаясь и тяжело дыша, поспешила за подружкой. Присев за развалинами конюшни, где уже притаились Арно и Амели, девочки тотчас помирились.

– Надо бы тебе приложить тряпку с мочой к глазу, – отдышавшись, произнесла Николь. – Отличное средство, опухоль спадёт, как будто и не было. – Она оторвала лоскут от своей грязной нижней юбки и скомандовала: – Эй, сопляк, давай-ка побрызгай.

Арно пожал плечами. Вот дуры! Пусть благодарят, что он не обмочился, когда удирал от гвардейцев. И теперь готов поделиться чудодейственным средством.

– Дай я вытру тебе кровь, – сказала Луиза. И, задрав подол до самых бёдер, она поплевала на мятую оборку и принялась вытирать подруге щёку.

– Ну вот, царапина вовсе не глубокая, дня через три заживёт.

Амели пошуровала в кармане фартука и, достав монетку, подмигнула:

– Видали! Когда папаша Бодю отбирал выручку, я успела припрятать пять экю. Думаю, нам не повредит промочить глотки в трактире Турье.

Компания одобрительно загудела и отправилась к заставе. Что и говорить, прекрасная жизнь для дочери бывшей маркизы. Впрочем, Лулу с самого рождения не знала никакой иной. И считала свою долю вполне сносной, ничуть не хуже любой другой. А если хозяин не дал пинка под зад или не отвесил оплеуху, то вообще не на что жаловаться.

***

Междоусобные распри достаточно сократили ряды отверженных. Одни погибли в драках, вторые скончались от ранений, а третьих попросту вздёрнули на Гревской площади. До голодранцев наконец дошло, что сохранить жизнь можно, только посадив на трон очередного короля. Пусть ему придётся платить, но по крайности он будет думать за них. Ведь рождённые в вонючих мрачных закоулках города люди совсем не приучены были рассуждать. Посему почти никто не выразил недовольства, когда во главе королевства трущоб встал уродливый мужлан в летах с кривым носом и кустистыми бровями. Он волочил левую ногу, на правой руке у него не хватало трёх пальцев, но, по заверениям громил, соображал Гектор Вено, по прозвищу Двупалый, почище министров монсеньора. И вот в королевстве людских отбросов воцарилась иллюзия тишины и порядка. На самом деле Вено был ничуть не лучше предыдущего правителя, и сбор дани и расправ с неугодными вернулся на круги своя. Когда старик Бодю умер, и его подопечные поступили под начало Клода Бенуа, по прозвищу Краснорожий. Он был кем-то вроде наместника в западной части города, и ему подчинялись мелкие воришки, побирушки, грабители и выводок уличных девок под управлением сводни Марты Индюшки. Но Луиза не собиралась таскаться по улицам и получать затрещины от сводни и сбежала. Она стала промышлять вдвоём с парнем, который так же с лёгкостью сделал ноги от своего хозяина. Гютену сравнялось семнадцать, этот увалень не обладал быстрым умом, был медлительным, но зато был здоровым и сильным парнем с соломенными вихрами и глуповатым лицом. Он признавал превосходство Лулу, восхищаясь её смекалкой и красивым личиком. Девушка прогуливалась по улицам, строя глазки солидным мужчинам, и заманивала незадачливых ухажёров в тёмную подворотню. А там распалённого ожиданием плотских утех простака поджидал Гютен. Бедняга получал по голове дубинкой и лишался денег, хорошей одежды и украшений. Луиза была весьма аппетитной девицей. Мало кто из мужчин мог устоять и не поддаться её откровенным заигрываниям. Свежая мордашка, нежный ротик, тонкая талия и высокая упругая грудь. Лулу была вульгарна донельзя, но от одного взгляда на неё мужчины испытывали острое желание. Обчистив очередного незадачливого искателя любви, парочка делила деньги поровну, вещи сбывались старьёвщику Трувелю. Под вечер они отправлялись в трактир, а после шли в заброшенный амбар возле реки, где устроили себе жильё. Гютен натаскал соломы, набросил на неё попону и ворованную скатерть. Натянутая верёвка, на которой висела пыльная рваная занавеска, служила им пологом. Оба они тащили в свою жалкую лачугу всё, что, по их мнению, могло её украсить. На грубо сколоченном столе стояла треснувшая ваза. Луиза с гордостью поглядывала на неё и, наломав веток жасмина, и вовсе растаяла, умилившись нежному аромату букета. Она воображала, что тонкий аромат жасмина куда сильнее вони тухлых рыбьих потрохов, выброшенных на берег торговцами. Встав посреди жалкой лачуги, Лулу заявляла, что они чудесно устроились. Сложенный из камней очаг почти не давал тепла. Но летние ночи и без того тёплые. А в холода они забирались в постель и, накрывшись дырявым одеялом, крепче прижимались друг к другу. Оба они выросли в квартале бедноты среди опустившихся людей, и посему не были столь наивны и знали, чем может закончиться такое тесное общение. Они не считали, что поступают дурно. Как-никак, в жизни так мало удовольствий, почему же надо отказаться от одного из них в угоду добродетели? Луиза прекрасно понимала, что останься она у сводни, ей пришлось бы улаживать каждого, кто согласен заплатить. А с Гютеном она была по собственному желанию. У обоих не было родни, что могла бы

попрекнуть за слишком вольные нравы. Там, где они росли, не было никаких понятий о приличиях.

Оставшись наедине в своей жалкой конуре, подростки были вполне довольны жизнью и не собирались задумываться о будущем. Гютен любил свою подружку, хотя никак не мог самому себе объяснить это чувство, поскольку любые размышления вызывали у него головную боль и наводили тоску. Одно он мог сказать точно: за Милашку с лёгкостью отдаст собственную жизнь. Для Луизы их отношения держались на привязанности и удобстве, которые приносило подобное сожителство. Ей нравилось, что всю грязную работу берёт на себя парень. Что никто не помыкает ею и не колотит за скудную добычу. Подчас она оставалась дома только потому, что на улице дождливо. И с наслаждением валялась на тюфяке, довольная, что не таскается по улицам в промозглую погоду. В такие дни Гютен уходил на промысел один. И, вернувшись, приносил Лулу маленькие подарки вроде шёлковой ленточки или кулёчка жареных каштанов.

Наступала зима. Снег никак не шёл. Голые ветви деревьев уныло покачивались на ветру. Грязь на улицах и переулках успела подмёрзнуть, и от глухого стука сабо и рваных башмаков становилось ещё холоднее. Горожане старались поскорее нырять по домам, где в очаге весело танцует пламя, даря тепло и уют. Потаскушки, стуча зубами, часами слонялись по кварталу в безуспешной попытке завлечь мужчин. Воришки частенько возвращались ни с чем. Попрошайки за весь день едва могли наскрести пару монет. В один из вечеров Клод Бенуа, глядя на жалкую кучку денег, пришёл в ярость. Да что они себе думают? Чёртовы кретины! Как он понесёт эдакие гроши хозяину? Лентяи проклятые, так и норовят отлынивать от работы, а ему по их милости запросто выпустят кишки! И Краснорожий обрушился на первого, кто подвернулся под руку, – на сводню, которая лепетала, что всему виной холода.

Бенуа распаялся всё больше, лицо его побагровело, он вскочил из-за стола, где на щербатом блюде лежали деньги, и завопил:

– Да ты вообще захлопни пасть, мерзавка! Твои девки уродливы, словно горгульи. Ясно, что на них нет желающих. У-у-у-у, тупица! Не смогла обзавестись ни одной смазливой шлюхой. Конечно, люди шарахаются от твоих кляч.

Он совсем разошёлся и, вновь бросив взгляд на злосчастное блюдо с данью, отвесил сводне оплеуху. Женщина отлетела к стене и, прикрывая руками голову, заголосила, что всему виной Огюст Щипач. Да, да, это парень из его шайки, дубина Гютен, сманил самую привлекательную девку.

Теперь очередь дошла до Щипача, который вдруг припомнил белобрысого паренька. Вот чёрт! Он был уверен, что растяпа давно помер. Ну да, думал, его пристукнули в драке. И, надо сказать, что никто из всей шайки не разрыдался по этому поводу. Гютен туп как бревно. Вечно ходит с разинутым ртом и даже не заметит, если туда влетит муха. Только и умеет махать дубинкой. Если бы он, Огюст, знал, что паршивец жив, то сам бы пинками доставил его к Бенуа.

Клод опрокинул стакан вина и, словно успокоившись, уселся за стол и, глядя на дрожащую со страху Марту и преданно застывшего перед ним громилу, заявил:

– Ну, значит, беглеца следует хорошенько проучить. А девку притащить сюда. И если она действительно так красива, как уверяет сводня, то её можно продать за приличные деньги. Он знает одного сеньора, что не покусится на невинную красотку.

Сводня, продолжая хлюпать носом, с сомнением протянула:

– Хозяин... а если она... если она не девственница?

Клод просверлил её тяжёлым взглядом и, хлопнув по столу, рявкнул:

– Тогда кретина Гютена надо пристукнуть за порчу товара. Но девку всё равно волоките сюда. Для смазливой потаскухи работа всегда найдётся.

В день ярмарки наконец-то выпал снег, щедро заслонив грязь и густо облепив влажные тёмные деревья, крыши и перила лестниц. Гютен ушёл после полудня. Крестьяне, что приво-

зили товар, как раз соберутся в обратный путь. Будет чем поживиться. Главное, не мелькать на самой рыночной площади, а притаиться поодаль.

Луиза осталась дома. Ей не хотелось покидать место возле очага. Но позже она решила прогуляться вдоль берега и собрать дровишек на растопку. Работа ей быстро наскучила, и она, швырнув охапку поленьев и обломки весла на пол, одёрнула латаную юбку, поправила чепчик и, покусав губки, чтобы они стали ярче, и, кутаясь в шаль, купленную по случаю у старьевщика, вышла на улицу.

Она уже подходила к переулку, что выходил напрямик к площади, когда заметила зевак возле арки. Повинуясь инстинкту жгучего любопытства, Луиза подошла к группе людей, смотрящих в одну сторону.

Перед ней стояли две толстухи прачки, прижимавшие к необъятным бюстам корзины с бельём.

– Глядите-ка, совсем молодой!

– Наверняка бродяга. Налакался, поди, в трактире и разбил башку о камни.

– Хей, мамаша, протри глаза! – подмигнул маленький оборванец в дырявой шляпе. – Бедолаге перерезали горло. Когда я подошёл, кровь так и хлестала из раны.

Прачки охнули и отступили на шаг.

– Вот лгун! – возмущённо крикнул второй парнишка в куртке, что доходила ему до колен. – Я первый заметил мертвяка. Ему вспороли живот. Разделали точно свинью. Потроха так и вывалились наружу.

Лулу протиснувшись вперёд и без всякого страха взглянула на тело, возле которого стоял гвардеец, ожидающий монахов с повозкой. Под аркой было сумрачно и сыро. На камнях, раскинув руки, лежал человек. Всё было так щедро залито кровью, что невозможно было рассмотреть его лицо. Она скользнула взглядом по нелепо вывернутым ногам в огромных башмаках и вдруг побелела как мел. На одной штанине покойного виднелась заплатка. Она резко различалась по цвету от грубой ткани штанов и была поставлена так неумело, что топорщилась, словно кулёк.

– О нет! – вскрикнула Лулу, падая на колени и дрожащей рукой пытаясь прикоснуться к безжизненной грязной ладони.

– Знаешь его? – пробасил гвардеец, впившись в девушку взглядом. – Давай, выкладывай, маленькая дрянуха.

– Да чего там, ясное дело! – влез один из мальчишек. – Это же потаскуха, сразу видно. Поди, двое её дружков не поладили между собой, и один прирезал другого.

Гвардеец опустил тяжёлую руку на плечо Луизы:

– Пожалуй, сведу тебя в участок, пусть господин старшина допросит. Если ты и впрямь уличная девка, получишь пятнадцать плетей и отправишься в приют для шлюх. Там тебя живо наставят на путь истинный. Сиди смирно, сейчас монахи заберут тело, и пойдём.

Лулу прижала к губам уголок шали. Она не понимала, что ей говорят. Вид истерзанного тела Гютена лишил её сил. Она никак не могла сообразить, что парень, с которым она делила кров, еду и постель, – мёртв. И что он более никогда не вернётся в их лачугу. Не будет заботливо укрывать её рваным одеялом. Не принесёт очередной подарок, не рассмеётся её шуткам. Боже милосердный! Ведь Гютен единственный, кто заботился о ней! Слезы градом хлынули по её бледным щекам. Гвардеец молча помог ей подняться на ноги. Подъехала повозка, и двое монахов, перекрестившись, деловито начали оборачивать тело холстиной. Гвардеец разговорился с третьим монахом, что правил лошадьми. А Луиза стояла, навалившись на стену, и по-прежнему прижимала к губам шаль, словно пытаясь заглушить своё горе.

– Вот она, шлюха паршивая! – раздался у неё над ухом сдавленный женский голос.

Марта Индюшка вцепилась девушке в рукав и прошипела:

– Так я и знала, что притащишь зад поглазеть на своего недоумка. Ну и задаст же тебе хозяин, дрянь ты эдакая!

С минуту Лулу удивлённо смотрела на сводню и, словно очнувшись, изо всей силы отпихнула её. Подхватив юбки, она рванула прочь и юркнула из арки на другую улицу. Луиза слышала, как завизжала Марта. Обернувшись, заметила громилу с неопрятной бородой, что бежал за ней по пятам. Лулу неслась словно помешанная. Она петляла в улицах и переулках, но преследователь не отставал. Внезапно послышался грохот падающего тела и отборная брань. Громила поскользнулся, но быстро вскочил и вновь кинулся в погоню, прихрамывая и изрыгая проклятья.

Луиза напрягала последние силы, горячее дыхание обжигало ей горло, ноги гудели. Но страх гнал вперёд. Она старалась добраться до квартала дю Морей. Туда мужлан с разбойничьей рожей не рискнёт сунуться среди бела дня. Вот показались чистые улицы и солидные особняки, но преследователь не отставал. Возле одного из особняков стоял экипаж. Занавеска окна отодвинулась: видно, сидящего в карете заинтересовала юная оборванка, которая бежала по улице, громко стуча по брусчатке старыми башмаками. Из особняка вышел остроносый человек в добротной накидке из сукна и сел в карету. Лошади медленно двинулись. То и дело оборачиваясь, с искажённым от отчаяния личиком, Луиза поравнялась с экипажем, и внезапно дверца открылась, словно приглашая беглянку. Недолго думая, она вскочила в карету, и возчик хлестнул лошадей. Экипаж помчался прочь, а громила, бранясь и чертыхаясь, глазел ему вслед. В азарте гонки он даже не заметил, куда угодил, и теперь тупо озирался на окруживших его гвардейцев.

Глава третья

Луиза устала сидеть на господина в летах, что сидел напротив. В полумраке кареты перстни на его руках таинственно мерцали. меховая полость укрывала его ноги. Он молча улыбался, поглядывая на девушку. А сидевший с ней рядом остроносенький господин брезгливо отодвинулся, буквально прижавшись к окну, и, скривившись, отряхивал полу накидки, словно успел запачкаться об одежду беглянки.

– Итак, дитя моё, я правильно понял, что ты удирала от грязного мужлана? – произнёс сеньор.

– Ваша правда, господин. – Луиза вообразила, что старик очарован ею, и, желая уехать как можно дальше, она кокетливо поправила волосы и приосанилась. Сеньор опустил морщинистые веки, сдерживая смех.

– Леблан, накинь на бедняжку полость, она наверняка замёрзла.

Остроносый приподнял бровь, но, видно, не решился спорить и, стараясь не прикасаться к беглянке, бросил ей на колени мягкую меховую накидку.

Лулу едва не задохнулась от радости. Когда она неслась по улицам, тело её пылало и пот успел пропитать жалкую сорочку насквозь, теперь она начала мёрзнуть. Натянув полость до носа, она улыбнулась. Вот повезло! Только бы старикан не вышвырнул её из экипажа раньше, чем она успеет согреться. И Луиза стала отчаянно кокетничать с ним. Если сеньор везёт её к себе, то, может, догадается ещё и покормить? И не намекнуть ли ему на плату заранее? Пять экю – вполне приличные деньги. Хотя, судя по перстням, богатой одежде и обтянутыми атласом стенкам экипажа и бархатным занавесочкам, можно рискнуть и попросить семь или даже десять экю. Сейчас она уже не думала о погибшем парне. Не то чтобы Лулу была бесчувственной и злой, но жизнь в трущобах приучила её не слишком убиваться об умерших. Там, где она росла, смерть была слишком обыденна. Тем более бедняжке Гютену уже ничем не поможешь. Надо и о себе позаботиться.

– Как твоё имя, дитя? – спросил старик.

– Милашка, Лулу Миньон, – подмигнула она.

– Есть у тебя родня?

– Нет, сеньор. Знать не знаю ни матери ни отца, – равнодушно бросила беглянка.

– Сколько тебе лет?

– Почём мне знать? Говорят, что шестнадцать или около того.

Старик продолжал задавать вопросы, пока не заметил, что гостя откровенно клюёт носом. Тепло от меховой накидки, пережитый страх и усталость, слёзы при виде убитого Гютена начисто лишили её сил. И она задремала, как маленький ребёнок, который может заснуть в любой момент, уткнувшись носом в игрушки.

– Боже, господин Валуа! – громко шепнул Леблан. – Зачем вам эта оборванка?! Право же, после неё придётся перетягивать новой тканью экипаж и сиденья. Не говоря про полость, которую легче выкинуть, чем очистить.

– Экий ты брезгливый, друг мой, – тихо рассмеялся старик. – Ты только взгляни на неё. Да, бедняжка грязна и дурно одета, но она просто обворожительна. Она ещё слишком юна и, возможно, не осознаёт, какой силой её наградил Господь.

– Не знаю, хозяин, по мне, так уличная девка, какой бы смазливой она ни была, не годится ни на что путное.

– Уверен, что ты ошибаешься, – серьёзно произнёс де Валуа. – И я постараюсь доказать тебе это.

– Вы вольны поступать, как сочтёте нужным. Но я готов поставить сто экю серебром, что эта грязнуха непременно стащит пару безделушек и тут же сбежит.

– Идёт, – растянул узкий рот в улыбке старик. – Если ты прав, я дам тебе сто эю, если ошибся, то ты выплатишь мне оговорённую сумму.

Леблан кивнул, и более спутники не обмолвились ни словом. Де Валуа продолжал разглядывать спящую, прищурив круглые водянистые глаза. А после, откинувшись на спинку сиденья, удовлетворённо хмыкнул своим мыслям.

***

Уже вечерело, когда экипаж подъехал к витой ограде белеющего в сумерках особняка. Леблан ткнул Луизу локтем, и спросонья та несколько минут не могла сообразить, где находится. Но увидев ухоженную дорожку и лакеев, спешивших навстречу, Лулу приоткрыла рот и, всплеснув руками, присвистнула.

Леблан скривился, а сеньор де Валуа улыбнулся. Лулу до ужаса было жаль расставаться с полостью, она так славно пригрелась. Луиза вышла из кареты и тотчас продрогла; пытаясь не стучать зубами, она поспешила сквозь строй ошарашенных слуг, стараясь не отставать от старика. Тот шёл, опираясь на трость, украшенную накладным золотом и огромным рубином. Луизу поручили двум горничным.

– Приведите эту малютку в порядок, и после можно подавать ужин, – невозмутимо произнёс старик, глядя на поджавших губы служанок.

Шагая по галерее, Лулу раздумывала: не задать ли стрекача? Но от голода подвело живот, и обещание ужина заставило её подчиниться. Её привели в комнату, где стены и потолок были отделаны мозаичной плиткой. Посередине возвышалась купель, наполненная водой, а под ней стояла жаровня с подёрнутыми золой углями. Нежный, незнакомый аромат царил в купальне, и девушка с любопытством озиралась вокруг. У стены стоял комод, широкая лавочка, покрытая тканью, и напротив другая лавочка – уставленная кувшинами с водой и тазами. Одна из горничных взбила пену в купели, а затем обе женщины выжидательно уставились на одетую в обноски девицу.

– Что вытаращились? – пробурчала Лулу. – Ждёте, что полезу в котёл? Хотите, чтобы я сварилась заживо?

– Экая дикарка, – возмущённо проронила служанка.

– Неудивительно, Кати, эта дурочка наверняка сроду не мылась.

– А вам-то какое дело?! – огрызнулась Луиза, опасливо поглядывая на угли. И, стягивая шаль, подумала: Не поймёшь этих господ. Неужто непременно надо полоскать шкуру в огромном тазу, чтобы просто поесть? Раздевшись, она затряслась от холода. Ну ладно, может, она всё-таки успеет поужинать до того, как помрёт от чахотки.

Вода была настолько тёплой, что девушка едва не замурлыкала от удовольствия. Пожалуй, она готова просидеть в купели до утра, если ей дадут хлеба и стаканчик вина.

Затем её одели в платье горничной. Скромное, с глухим воротом, кружевным воротничком и манжетами. Серое платье из полушерстянки показалось Луизе шикарным, хотя оно было тесно ей в груди и широко в талии. Переглянувшись, служанки решили повязать ей пояс и накинули на плечи платок, дабы скрыть, что ткань на груди натянулась донельзя.

Когда Лулу проводили в столовую, глаза её сверкнули, и она восхищённо хлопнула себя по бёдрам. Столовая была обставлена довольно аскетично. Вдоль стен несколько позолоченных консолей и добротный буфет красного дерева. Почти всю комнату занимал длинный стол, накрытый ослепительно белой скатертью. Во главе стола сидел де Валуа, справа от него – Леблан. Слева был приготовлен ещё один прибор.

Луиза не отличалась робостью и плюхнулась на стул, который отодвинул лакей, и, положив локти на стол, улыбнулась.

– Ну что же, – произнёс Эдмон де Валуа, – поблагодарим Господа за хлеб наш насущный. – Он сложил ладони для молитвы, Леблан поспешил сделать то же самое, и девушка, скорчив недовольную гримаску, последовала их примеру.

Лулу не умела пользоваться приборами. Она хватала еду руками, разговаривала с полным ртом и порой вставляла крепкие словечки. Де Валуа словно не трогали её жуткие манеры. Напустив на себя вежливое безличие, он тем не менее буквально сверлил гостью взглядом. Как она хороша! Просто чудо как хороша. Любой жест или поворот головы на изящной шее вызывал сладостную дрожь. После купания её густые волосы пепельного цвета были ещё влажными, и горничные не стали собирать их в причёску. Локоны свободно спадали на плечи и на спину, доходя до пояса. Белое, словно фарфоровое, личико и эти прекрасные глаза бирюзового цвета. Закончив трапезу, она развалилась на стуле и вытерла ладони о платье. Леблан закатил глаза, и Лулу, на секунду смутившись, обтёрла пальцы скатертью.

– Рядом с тобой лежит салфетка, дитя моё, – усмехнулся старик.

– Ну, стало быть, прачке будет меньше работы, – рассмеялась Луиза и залпом опрокинула бокал вина, который она держала как стакан. Затем, к удивлению Лулу, старик пожелал ей спокойной ночи и удалился в гостиную. Девушка вприпрыжку направилась за горничной, морща лоб и недоумевая: что это значит? Неужели она спокойно проведёт ночь одна или старикан придёт позже? Она совершенно не представляла иных вариантов общения мужчин и женщин. Они либо спят вместе, либо дерутся. Либо и то и другое. Увидав высокую постель с грудой подушек и пышной периной, Луиза взвизгнула от радости. Ах, какой полог, боже, он лёгкий и прозрачный, словно крылышки стрекоз.

Бедняжка Кати было немало шокирована, когда гостья отказалась от её помощи, чтобы снять платье и надеть сорочку.

– Отстаньте, мамаша, – пожалла плечами Лулу. – Вы уже насмотрелись на мой голый зад, пока полоскали меня в тазу. Уж я как-нибудь сама разберусь.

Служанка вспыхнула и покинула спальню, шепча, что девица – отчаянная нахалка. И где только хозяин подобрал такую паршивку?

***

Валуа прошёл в гостиную, где возле камина стояло внушительное кресло, обтянутое бордовым бархатом. На полу лежала медвежья шкура. Лакей поставил по обеим сторонам камина канделябры с горящими свечами, горничная подала крошечные чашечки с кофе на серебряном подносе. Эдмон де Валуа думал о девушке и сидел, ссутулившись в кресле, и, не мигая, глядел на пламя в камине.

***

Проснувшись, Луиза сладко потянулась и широко раскинулась на кровати. Впервые ей спалось так сладко. Она натягивала одеяло до самого носа. Поворачивалась на живот и обхватывала подушку руками. Словом, она охотно провела бы в такой прекрасной постели весь день, но явилась вторая горничная – Элоди – и заявила, что мадемуазель надо встать, ибо скоро подадут завтрак. Лулу улыбнулась: вот это дело, ради такого можно и встать. Её усадили за туалетным столиком и уложили волосы в причёску. Ого! Да она и впрямь настоящая милашка. Оборванцы с заставы Пуассон разинули бы рты. Луиза хихикнула и, покачивая бёдрами, направилась в столовую.

Меж тем прислуга, что забегала в кухню за блюдами, громко обсуждала появление в доме потаскушки из сточной канавы.

– Уму непостижимо, хозяин усадил эту поганку за стол.

– Да уж, видели бы вы лицо месье Леблана! Он, бедный, словно уксусу хлебнул, сидел с перекошенным ртом.

– Ха! – воскликнул лакей. – Кажется, в захудалой деревне не увидишь подобного. Была бы она моей роднёй, право же, вышвырнул бы негодницу из-за стола, дабы она не портила аппетит приличным людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.